

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

ТЕНЬ ЗА СТЕНОЙ

ПОСЛЕВОЕННЫЙ
КРИМИНАЛЬНЫЙ
РОМАН

Короли городских окраин.
Послевоенный криминальный роман

Валерий Шарапов

Тень за стеной

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шарапов В. Г.

Тень за стеной / В. Г. Шарапов — «Эксмо», 2026 — (Короли городских окраин. Послевоенный криминальный роман)

ISBN 978-5-04-247800-0

Директор детского дома поручает Кольке Пожарскому отвезти важные документы секретарю райкома Савушкину. Войдя в незапертую дверь, Колька не застаёт хозяина дома, зато слышит в соседней комнате шум борьбы, после чего кто-то выпадает из квартиры на улицу. Колька бросается к окну и видит лежащую внизу дочь Савушкина Лизу, с которой дружил. Парень понимает, что его могут заподозрить в преступлении. Он вызывает по телефону милицию и спешит покинуть страшное место. Напуганный и растерянный, Пожарский машинально хватает стоящую на столе фигурку танцующего человечка в маске. Он ещё не знает, сколько бед принесет ему и его близким эта безобидная с виду вещица...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-247800-0

© Шарапов В. Г., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Часть первая	6
Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	14
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Валерий Георгиевич Шарапов

Тень за стеной

© Шарапов В., 2025

© Оформление ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Часть первая

Пролог

1945 год. Дрезден

Весна царит в небе, высоко бегут тучи, и синева в разрывах прямо ангельская: высокая, чистая, свежая до опьянения.

А внизу – холодно и мертво. Земля в руинах, сплошной битый камень. Висит над землей перина вонючей взвеси, несет гарью, горелым мясом. Зато налетов давно не было, канонада стихла, лишь время от времени рывкали одиночные выстрелы.

Трофейная команда разбирала развалины дворца. Долгое время в нем обитали разного рода скопидомы, курфюрсты и князья, стаскивая к себе награбленное у трудового крестьянства и работающей молодой буржуазии.

После того как союзники «отутюжили» город, от дворца осталась половина, часть стен обвалилась. Попутно выяснилось, что гитлеровцы многое успели вывезти и рассовать где-то по «крысиным норам». Однако кое-что и оставалось: хрустели под сапогами осколки простого стекла, богемского хрусталя, саксонского фарфора.

Саперы уже прошли, но предупредили, что могут быть сюрпризы. Для подстраховки запустили первыми штрафников. Кто что находил, тащил к импровизированному столу – это была дубовая княжеская дверь на рабоче-крестьянских козлах. За ними стоял капитан из культурной комиссии, высокомерный красавец бегло осматривал находки, бычась через пенсне, и выносил приговор: что-то без малейшего почтения отправлялось на выброс, в тачки, вместе с боем и щепнем, что-то капитан указывал упаковывать в ящики. И все-все записывал в толстую тетрадь. Он работал, не отвлекаясь, не поднимая глаз, лишь в какой-то момент позвал:

– Зимин, замените.

Подошел старшина, занял его место, а капитан снял пенсне, потирая переносицу, размял плечи, шею и прошел, якобы гуляя, с улицы в музейный зал. Стена обвалилась, и помещение было открыто для всех. Когда-то тут было красиво и таинственно, теперь же только красиво, правда местами. Сохранившиеся стены были отделаны мерцающим зеленым мрамором, а колонны, подпирающие чистое небо, – русским малахитом и лепниной с позолотой. Даже некоторые экспонаты частично сохранились. Били, как птицы крыльями, гобелены, изрезанные полотна. Из груди боя торчал ангел с прекрасным лицом и отбитым крылом, глядя искалочно в небо и пытаясь высмотреть того, кто его оттуда сбросил.

Капитан подошел к месту, где стена обрушилась, а огромное зеркало устояло, даже полотно не треснуло. Остановился, ощупал тяжелую позолоченную раму, рассмотрел свою собственную персону, провел рукой по щеке, как бы проверяя, не пора ли бриться, вынул гребень, пригладил волосы и лишь после этого направился к одному из штрафников, работавшему на отдалении от остальных. По мере того как приближалось командование, он махал лопатой все старательнее, поднимая вокруг себя густую пыльную завесу. Здоровенный, кудрявый, бровастый и весь черный как из трубы, только белки блестят и зубы.

Капитан, разогнав пыль ладонью, похлопал его по плечу:

– Ну-ну, выдохни.

Тот моментально выпрямился и браво козырнул:

– Слушаюсь!

– Вольно. Кто таков?

– Рядовой Васильев, пятьдесят шестая отдельная штрафная!

– Васильев, значит. И небось Вася?

- Так точно!
- Статья?
- Сто седьмая, сто шестьдесят вторая!¹
- Оно и видно. Сейчас что стащил, Вася?
- Не могу знать!
- Подскажу. Что в вещмешок спрятал?
- Когда?
- Только что.

Васильев уже нагло, без малейшей тени смущения, отрапортовал:

– Никак нет, ничего не прятал! Согласно приказу, упаковал подручные материалы, чтобы представить...

– Достаточно! Открывай мешок!

Там лежала уйма золота: часы курфюрста саксонского Иоганна, табакерка Кристиана Первого, несколько помятых, но, несомненно, золотых бокалов. Были и мелочи: подстаканник, пуговица, шкатулка – закрытая обыкновенная шкатулка с медными накладками по углам.

– Откройте! – приказал капитан.

– Никак не смогу, ключей нет.

– Я не спрашиваю, есть ключи или нет. Откройте!

Васильев вынул из-за воротника булавку, ковырнул крышку, и она открылась. На синем бархате лежали фигурки – какие-то аляповатые и уродливые, и все в масках: старик с бородой клинышком подбоченился, будто ему все должны, и выставлял из камзола свое бледное пузо. Важный пузан в черном балахоне – длинном, но распахнувшимся на выпуклом животе. Еще один – кривой, в зеленом и желтом одеянии, с высунутым языком и дурацкой хитрой рожей. Лишь одна из всех была красавицей в цветастом, бессовестно открытом платье, да еще и ножку перламутровую выставила.

Все по-своему уродливые, в цветастых одеждах, и у всех одинаковые туловища – светлые, и в каждом что-то темное. У кого капля нефти застыла, у кого едва видная муть, как смола подо льдом, или темная «родинка» над грудью.

Все это капитан осмотрел, оценил и похвалил:

– Хороший вкус, Вася Васильев.

Вася осторожно признался:

– Красиво же.

– Не золото, а все равно красиво?

– Видно, что старались люди, – согласился Вася.

Он что-то еще хотел сказать, но промолчал, наткнувшись на ласковый и ожидающий взгляд капитана.

– Ну что же ты? – улыбнулся капитан. – Неужто придется обыскивать?

Васильев, вздохнув, вынул из-за пазухи еще одного уroda – «родственника» уже имеющихся. Это был Арлекин, весь в красных, желтых, зеленых, черных лоскутах. Шутовская шапка набекрень, и лицо жуткое: в прорезях полумаски белая глазурь, пустая, без зрачков, рот растянут в мертвой улыбке, между ног – лихой конь на палочке.

– И какой цыган пройдет мимо лошади, да, Вася?

Васильев что-то забормотал, и капитан слушал, с пониманием кивая, лишь однажды спросил по-отечески:

– Тебя за что сюда спустили?

Тот обрадовался вопросу, зачастил:

¹ Ст. 107 – спекуляция, 162 – кражи.

– Да ни за что! «Языку» шею свернул, случайно же! И сейчас, гражданин капитан, я нечаянно, бес попутал!

Он продолжал оправдываться, бубнил что-то себе под нос, а капитан, слушая, извлек пистолет, потер о рукав, как бы стирая пыль, и, продолжая внимать объяснениям и кивая, неуловимым, мягким движением захватил локтем Васину шею, притянул его к себе, лоб в лоб, и вполголоса проговорил, словно читал по написанному:

– На основании директивы Военного совета Первого Украинского фронта об усилении борьбы с мародерством в прифронтовой полосе, за хищение культурных ценностей, имеющих государственное значение, в условиях боевых действий штрафник рядовой Васильев подлежит расстрелу. Подпись: капитан Савушкин Эл Дэ.

Дуло уткнулось в пустое брюхо, боль привела в чувство, и Васильев дернулся, но капитан держал его намертво. И тут жажнуло. Брызнула зеленая крошка, осыпалось старое зеркало, и лишь затем пришел гул – тяжелый, вязкий, разрывающий барабанные перепонки – и послышался взрыв.

Капитана швырнуло вперед, они столкнулись головами, и Васильев увидел, как у того брызнула кровь из глаз, из носа.

Раздался второй взрыв. Васильев рухнул бревном, вжался в землю. Кто-то издалека, словно с того света, вопил: «Накрыли! Минометы!»

...Василий очнулся от тишины. Ее не должно было быть, так как кругом что-то происходило, что-то шумное, только он ничего не слышал. Открыл глаза, спихнул с себя труп – тот отвалился, да еще мягко лег, раскинув руки, – потом сел, попытался осмотреться и снова чуть не рухнул, потому что сильно кружилась голова и тошнило.

А вокруг – никого из живых...

Вася быстро, воровато перекрестился и занялся капитаном: забрал пистолет, красноармейскую книжку, нашел немного денег, сдернул с вялого запястья часы.

Вроде все, пора рвать когти. Он нашел свой вещмешок с расстрельным золотом, вытряхнул – ну его! И вдруг увидел шкатулку – она валялась поодаль, и фигурки поблескивали в пыли. Немного поколебавшись, Вася собрал игрушки, сложил в мешок и золотишко. Нельзя золото бросать. Золото – это фарт, золото – это бахт. Золото всегда выручит...

...В комнате было натоплено, но под кожу лез холод. Печь тут была, но решили не топить – печи часто минируют, – поэтому бойцы приволокли буржуйку и вывели трубу в окно.

Капитан Красницкий Александр Иванович, особист, сидел у буржуйки, держа ладони над чугуном, а то и прижимая их к нему, чтобы прожгло до костей, чтобы вспухли ожоги – боль отвлекала. Глотнул из фляги еще и еще, скривился, потянулся за хлебом – и под руку подлезло проклятое письмо. И снова он его зачем-то взял, грубый лист, от которого пахло так нежно, так знакомо, отчего все внутри сжималось. Но каждое слово прошивало насквозь: «я устала, устала», «не прошу прощения», «со Львом родственные души», «твоя грубость, и, извини, ты стар»...

«Дура душистая, свинья в чулках! А Лев – сопляк смазливый, культурный подлец, потаскун! Выручал его, прикрывал, не раз спасал от смерти, тащил раненого из-под обстрела – а он вон как отблагодарил».

Красницкий выпил еще раз, вынул из кобуры вальтер, запихал его в рот и упер дуло в небо. «Сейчас. Сейчас. Надо держать повыше, чтобы наверняка...» От того, что нажал не туда, от масла и холода затошнило, желудок извергнул скудное содержимое.

Снова влил в себя из фляги, снова потянул дуло в рот – но тут в фанеру, закрывающую окно, постучали:

– Товарищ капитан, разрешите войти?

– Сейчас открою! – силло выкрикнул Красницкий, быстро приводя себя в порядок, и открыл.

От недосыпа, коньяка и после рвоты он всегда тупел, потому из доклада понял немного. Когда бойцы вышли, Красницкий рассмотрел приведенного к нему человека внимательнее: цыганистый, закопченный, оборванный, гимнастерка в крови. Наверняка контуженый – взгляд плавающий, на вопросы отвечает невпопад, щурится, курчавой головой трясет.

Особист сфокусировал глаза, снова раскрыл красноармейскую книжку и прочел. Удивился – не то слово. Прочел еще раз, потом поднял глаза на «контуженого» и спросил:

– Это ваши документы?

– А? – гаркнул тот.

Красницкий повысил голос и с расстановкой повторил:

– Это. Ваши. Документы?!

– А! Да-да.

Особист, рассматривая его как диковину, решил еще раз уточнить:

– То есть вы Савушкин, Лев Давыдович?

– Так точно, я.

Тут Савушкин увидел, как у офицера начал дрожать рот и тот вдруг расхохотался во весь голос, хохотал до слез, держась за живот и шлепая по столу ладонью. Успокоившись и утерев глаза, капитан взял со стола какую-то бумажку, бросил ее в печь. Вороша кочергой, он глянул через плечо и помотал головой:

– А ведь сейчас тебе чертовски фартануло, ромалэ.

Чернявый, отбросив фиглярство, понял все правильно и тотчас взял деловой тон. Кивнув на мешок, он сказал с невыразимой наглостью:

– Так вон золото. Оно всегда к фарту.

– Ах, золото, говоришь. – Особист поднялся и потянулся, ощущая, как бодрее забегала по жилам кровь. – Ну, что там у тебя? Выкладывай!

Стали вдвоем выгребать монеты, одна к одной: темные, тертые, с профилями носатых буржуев и диковинными зверями. (Красницкий взял одну, потер между ладонями – пошло живое тепло, полилось по жилам.) Затем выставляли часы, табакерки, бокалы – все туда же, в кучу, которую надлежало описать и сдать. Наконец Красницкий без особого почтения вытряхнул на стол фигурки – уродливые, аляповатые, пестрые, причудливые и при этом притягивающие к себе. Разные – кто пузатый, а кто и надутый, кто развеселый до глупости, кто глупый до веселости, кто с мошной, кто в мантии, – но у всех одно общее: туловища белые с перламутром, и у каждого, если присмотреться, какие-то черные крапины.

Красницкий взял одну, которая изображала девку с голой ногой. Ну, положим, сделано ловко, но тащить все это в Союз?! Место им, в лучшем случае, на пианино, рядом со слонами «на счастье», хотя такие шуты не всякому по вкусу. Для музея разве что, для любителей хлама, которые собирают всякую чертовщину...

– Где взял уродов? – спросил особист.

– А я знаю? Да валялись в шкапулке, под стеной, я и подобрал. Может, тоже ценные.

– «Может», «не знаю», – передразнил Красницкий, все еще благодушествуя, – а ты разве не музейщик, не искусствовед? Кой ляд тебя трофейной командой направили командовать?

Тот мигом заткнулся, развел руками.

– Ладно, – Красницкий свалил фигурки обратно в мешок и сказал: – ценные... на блошином можно будет на бутылку поменять, если такой дурак найдется. Золото я у тебя реквизирую, все по описи, по акту, с печатями. А этих – кивнул он на фигурки, – хочешь, забирай. Толкнешь, когда очухаешься.

В общем, княжеское золото Красницкий изъяс, оставив мелочь без внимания.

Глава 1

Поздней осенью снег навалился на Москву бодро, но скоро наступила оттепель, а с ней и тяжелая сырость. Влажно в воздухе, зевать страшно, того и гляди захлебнешься.

Ночная муть разошлась, но все еще хмуро. Первые потоки народа разошлись затемно, вторые тоже схлынули, улицы были почти пусты.

Подул почти весенний ветер, разогнал облака, в прорехах между ними что-то блеснуло, и стало веселее. Подхватил и разный мусор – мокрые газеты, какие-то ветошки-бумажки, – со свистом закрутил, лихо затащил через арку во двор и улетел, швырнув все это под ноги дворнику. Все его труды пошли прахом, он покачал головой и снова принялся убираться.

Тут как раз в арку вошел прохожий. Руки в карманах, кепка надвинута низко, а лицо свое он согревал в поднятом воротнике, торчали лишь покрасневший кончик носа и пожеванная неприкуренная папироска. Прохожий огляделся, как бы соображая, туда ли забрел, или даже любуясь. Совсем недавно тут ничего не было, кроме гнуса и развалин, – а вот уже новый дом, и почти заселенный. Отменный дом. Окна блестят, и легко поверить в то, что за ними никто никогда не будет ссориться, плакать, пакостить, хранить, дрожа и озираясь, грязные тайны.

Кирпичный фасад свеж, острые новехонькие края межэтажных выступов чисты, на балконах нет всякого барахла, даже белье не везде висит.

Налюбовавшись, прохожий попросил:

– Дядя, прикурить можно?

Дворник протянул ему «козью ногу» и тут же покачал головой:

– Якши тугел. Кечкене².

– Да якши все, якши, – прикуривая, кивнул парень.

Кепку он чуть сдвинул, чтобы огонь на козырек не попал, и стало видно, что лет ему немного.

– Дядя, там урна горит! – вдруг выкрикнул паренек.

– Где?

– А в арке.

– Где в арка?

– А там! – махнул рукой парень, даже пошел вместе с дворником, как бы провожая, но, как бы невзначай, отстал и, оставшись во дворе один, нырнул в подъезд, так что когда дворник вернулся к метле, то никого не застал.

... В подъезде тоже все было ново, свежо, пахло штукатуркой и краской. Человек с чистой совестью и воображением обязательно ощутит особое, праздничное «переездное» настроение. Тут жильцы наверняка очень любят наводить чистоту для всех, убираются на общих площадках и все еще добродушно ворчат на нерях.

Парень осмотрелся, прислушался, ничего не увидел и взбежал по лестнице, мимоходом отмечая: «Вот единоличники, звонки у всех свои! И дверки-то уж как оббили, ни одной деревяшки нет. Звенят денежки у населения». По опыту он знал, что за таким дерматинчиком обычно живут «как положено»: полы паркетные, жильцы анкетные и обязательно куча невиданного трофейного барахла.

Было бы время – можно было бы тут попользоваться. Но сейчас есть вполне конкретная наводка, гарантирующая барыши, как в касе.

Он подошел к нужной квартире, быстро постучал оговоренным образом – тук, тук-тук-тук, тук-тук. Тотчас шелкнул замок, и дверь приоткрылась.

Тощий типчик в огромной кепке прошипел:

² Нехорошо, мал еще (*татар.*).

– Где валандался?

– Значит, надо было, – объяснил парень, оглядывая прихожую.

Ничего себе площадь. И добра завались. Переехали не вчера, а все еще стоят батареи забитых ящиков, на них выжжено: «постельное», «столовое (мамино!)» и прочее. То есть и без этого живут, значит, много чего есть на замену.

– Ну и пес с тобой, – маленький махнул рукой и зашипел, потирая плечо, – к бесу! Собирались, как на парад, все бока болят. – И он перешел к делу, объясняя и тыча пальцами: – «Рыжье» баба на себя навешала, но и осталось достаточно. Оно в секретере в большой комнате. Тряпья богато, одних горжеток завались, и шпингалетин. Тут схрон у него, – указал маленький на книжный шкаф.

Книг была уйма, все толстые, раззолоченные, с различными названиями. Какие-то знакомые: синие – Ленина, бордовые – Маркса-Энгельса, вроде слышанный Плеханов с неведомым Аристотелем – и непонятные: что-то про рабовладельческий Рим и исторический материализм, вестники древней истории.

Парень поскреб затылок: не похоже, чтобы туда лазали. Хотя...

Он присмотрелся: примерно на уровне его глаз ряд книг был недостаточно монолитен, из них выделялось несколько книжек. На одном корешке шла единственная извилистая линия, вытесненная темно-красной фольгой, в волнах которой угадывались то ли песочные часы, то ли тонкая спина. На другом корешке теснился какой-то запутанный крендель «Е. М.» и жирная дымящаяся курица. И еще две черно-золотые, точнее, раззолоченные толстенные книжки, подписанные «Ключи счастья».

Маленький открыл створку, взял одну из «Ключей», открыл, полистал, покраснел, сбросил на пол, приказал:

– Иди урода ищи, я тут пошарю. Стой, надень. – Он протянул подельнику пару перчаток.

– Терпеть не могу, – проворчал тот, но послушался.

Маленький остался потрошить шкаф, а парень пошел в комнату слева по коридору – это была большая гостиная. Осмотрел секретер, комод, влез в шкаф, где лежала посуда, но не было того, что он искал.

Вот спальня – мать честная! Свои причуды у богатых: тут тебе и лежанка на полкомнаты, и еще один комод, набитый крахмальным барахлом. И пианино – вишневое, резное, с коваными подсвечниками.

А вот и то самое. На крышке пианино, рядом с запыленной стопкой каких-то нот, стояла маленькая фигурка.

Какая-то девица в полумаске, но все равно видно, что лиса. Платье будто из заплаток, и выставлена белая ножка как бы невзначай. На голове берет с пером, из-под него пышные золотые завитки. Если не присматриваться, то таких дур фаянсовых сколько хочешь в любой захлавленной хате. Но если присмотреться, видно, что каждая заплатка – что-то вроде мозаики, швы на платье все золотистые, едва видимые глазу, и туловище у нее из удивительного камушка. Он неправильной формы, весь в изгибах и выпуклостях, широкий наверху, узкий книзу. Сам камушек перламутровый, и черная точка, как застывшая смола, прямо над верхним краем платья.

Вор взял фигурку, потер о рукав, увязал ее в платок и положил в карман.

Из коридора позвал мелкий:

– Ты все? Я – да.

Управился он быстро потому, что просто повыкидывал все книжки на пол. За ними и был тайник.

– Гля, сколько хрустов! Все, как сказано: за книжками дыра, а там видимо-невидимо!

– Валим! – прервал его парень.

– Ща, библиотеку назад поставлю. – Мелкий начал прибираться, но тут на лестничной клетке затопали: сначала по лестнице, потом прямо на коврик у квартиры, у приоткрытой двери. Потом тот, кто был снаружи, взялся за ручку.

Младший кивнул на вешалку, и оба бесшумно скрылись за одеждой – благо было ее много.

Вошел какой-то гражданин, потоптался на коврик и, откашлявшись, позвал:

– Соседи, вы дома?

Воры поняли, что им подфартило: новый дом, не все друг друга знают. Но гражданин увидел раскиданные на полу книжки и присвистнул. Снова позвал соседей, снова не дождался ответа – и пошел в гостиную.

Воры выскользнули на лестничную клетку. Маленький кинулся было вниз, но парень поймал его за рукав и ткнул пальцем в потолок. Они помчались вверх по лестнице.

Гражданин вышел из квартиры, крикнул дворника. Тот не сразу понял, что надо идти наверх, квакал что-то снизу, но, в конце концов, оставил свою метлу и подошел.

И вот когда они оба уже у квартиры совещались и чесали затылки, сверху чинно спустились двое – паренек с красным галстуком на шее, на носу очки, и девочка в пальтишке, в странно длинной цветастой юбке и беретке. В руках у обоих – по пачке макулатуры.

Оба остановились у открытой двери, и мальчик спросил:

– Товарищи, чем-то помочь?

– Нет!

– А макулатуры нет? – пропищала девочка.

Взрослые громко гаркнули:

– Кыш отсюда!

И только когда ребят ветром сдуло, сосед спохватился:

– Черт, надо же было послать их позвонить в милицию, а теперь придется самим валенки бить.

В итоге побежал дворник.

Тем временем воры уже без помех миновали двор, два квартала, свернули в сквер. Тут начали благоустройство, все лето провалялись, а осенью пошли дожди, и отложили на зиму – в итоге тут пустырь и кругом заборы.

За одним из них воришки и скрылись, поставили лавку, свои «пачки макулатуры» – два фанерных ящика, так мастерски оклеенных газетами, что не отличишь от настоящего старья, – достали и пересчитали деньги. Девчонка, сдернув свою «юбку», под которой таились обычные рабочие штаны, повернула берет козырьком вперед, снова превратив его в кепку:

– Живем, Шурка! Недаром валялась целую вечность.

Она то выстраивала пачки в башню, то выравнивала в шеренгу. Парень, распростившись с дурацким галстуком и очками, наблюдал за ней – сначала сердито, потом недоуменно, потом все больше улыбаясь, наконец, ухватил ее, притянул к себе и принялся целовать. Она завертелась, выкручиваясь:

– Пусти!

Он отпустил.

– Телячьи нежности! Ты урода нашел?

– Нашел, – парень достал узелок и добавил: – только это не урод.

Развязав платок, он заметил:

– Красивая. На тебя похожа. Даже родинка там же.

– Цыц, ты! – она покраснела и спрятала фигурку в свою «пачку», к деньгам.

Парень снова ее обнял, заглянул под козырек:

– Сколько же мы с тобой знакомы?

– А я помню? Вроде с декабря сорок первого.

– Какой же ты дурой тогда была – то ошетиливалась, то ревела. Поганый из тебя был шкет, девчонка куда лучше.

– Дурак, – беззлобно отругала она его, немного постояла с ним в обнимку, потом отстранилась:

– Затекло все, болит.

– Что, когда и куда в следующий раз? – спросил Шурка.

– Так он Ваську пришлет с адресом.

– Мутный этот дурачок, к тому же болтливый.

– Тут не наше дело, – заметила она, – а станет языком мести – так и заткнем.

– А не разболтал черномазый, что за тип, который его посылает?

– Зачем тебе?

– Знать бы, кто это, а то вслепую работаем.

– Да какая тебе разница? – отмахнулась она и указала на деньги: – Хрусты есть, все быстро, чисто, без риска. Забирай свое.

Парень поскреб подбородок:

– Слушай-ка, мне бабосы в общаге неловко хранить. Вдруг кто-то влезет, кто-то увидит...

Возьми пока к себе, а там посмотрим.

– Доверяешь?

– Как себе.

Девчонка прищурила глаза, небольшие, морозно-серые и очень бойкие, в густых темных ресницах:

– А ну как обману?

Он осмотрелся – никого в парке, – снова обнял ее так, что ребра хрустнули:

– Не обманешь.

– Пусти, я девушка слабая, – отстранилась она. – Ну а все-таки. Вот заметут, давить станут или пугать, а я и испугаюсь.

Он улыбнулся, запустил пальцы в ее густые светлые волосы, ткнулся лбом в лоб:

– Тогда из-под земли достану и шею сверну.

Она возмутилась – то ли шутливо, то ли всерьез:

– За что?!

– Как же, чтобы на меня не навела. А то расколешься – а я в тюрьгу больше не пойду.

Шурка отстранил ее и приказал:

– Беги! И ни капли, поняла?

Глава 2

Дворник позвонил в «ноль-два», быстро подтянулся участковый, сообщил на службу квартирьеру. Пострадавший попался недоверчивый, разговаривал заносчиво, но соизволил пообещать, что скоро будет.

А тут появилась обитательница вскрытой квартиры, фигуристая красотка на излете сорока – сорока пяти. Одета по-барски: уже зимнее пальто бордо, на шее чернубурка, шляпка с вуалью и мушками, сапожки с опушкой – все невероятно красивое и, похоже, трофейное.

И весьма элегантно она тащила корзину, из которой махал хвостом мороженный судак. На локте с шиком висел дамский ридикюль, не стесняясь соседства набитой авоськи.

Участковый решил сначала, что это жена, но та весело просветила:

- Домоправительница я.
- Чего ж не?..
- А мне девичья свобода дороже.
- То есть вы гражданину Глебову...
- Прислуга! Мне достаточно.

«Прислуга» держалась по-хозяйски, и видно было, что женщина добросовестная. Но очень суетливая: оттащив припасы на кухню, попыталась навести порядок, книжки вернуть на место, но участковый запретил. Тогда она, продолжая стрекотать, рванула с тряпкой по комнатам – он ее с трудом перехватил и усадил на стул.

– Не надо ничего трогать.

Та ничуть не обиделась, а объяснила:

– Я как понервничаю, сразу убираться начинаю. Ну нет так нет. Тогда чаи гонять?

Участковый колебался – вроде на кухне ничего не тронут, но кто знает? – и отказался. Хлебосольная дама озадачилась:

– Что ж делать тогда? Смотреть, что пропало? Так откуда мне знать, к тому же еще не все распаковали...

Милая была дамочка, но уж больно активная. И прописки у нее не оказалось. Но это дело лучше не ворошить, к тому же сейчас начальство подъедет.

Участковый спросил имя и отчество – она оказалась Галиной Остаповной – и поинтересовался, откуда она вообще.

– Из Сум, я у Лени... то есть Леонида Ильича, еще на старой жилплощади трудилась. Эту ему дали, так я теперь тут.

– Хозяин один, ни жены, ни детей?

– Ни, никого.

«А комнаты-то две», – отметил участковый, у которого на пятнадцати метрах жили пятеро.

– Кем он у вас служит?

– А что-то вроде где-то замначальника, какого-то склада.

– Продуктового?

– Да если бы. Мне б тогда не пришлось по лабазам-рынкам бегать. Так я, может, хоть пыль...

– Подождем. Вот прибудет хозяин, опергруппа, и все осмотрим.

– Опасаюсь я, что будет ругаться, он же чистюля.

– Заступлюсь, если что.

Скоро все прибыли. Участковый изобразил из себя оцепление с охраной места, то есть встал на лестничной клетке.

Хозяин был пухлым и суровым. Сурово протянул руку:

– Глебов.

И так же сурово с ходу заявил:

– Ничего не пропало.

Старший опергруппы, капитан Полозов, настаивал:

– А все-таки посмотрите, Леонид Ильич. Вот книги раскиданы, может, какие-то ценные издания пропали...

Хозяин дернул щекой, трясущейся, как студень, и покачал головой:

– Нет.

– ...или то, что в книгах было, между страничек, или за ними, – уточнил Полозов.

Хозяин вспыхнул и пошел смотреть.

Полозов осуществлял общий надзор, поскольку вмешиваться не было необходимости – все и без него знали, что делать. Работали спокойно, без спешки, делали фото общие, детальные, составляли протокол, обрабатывали поверхности в поисках отпечатков.

Глебов походил со скучающим видом туда-сюда, словно делая одолжение власти, и снова повторил:

– Ничего не пропало.

– Просто так зашли к вам, полюбопытствовать? – влез в разговор один опер из свежего пополнения.

– А вы работайте, работайте, – напомнил Полозов.

Сам-то он и без детального осмотра много чего приметил: и две комнаты у одинокого, официально неженатого хозяина, и избыток скарба, и качество мебели, и множество трофейных вещей. Только на виду были: мешок шпингалет, патефон, набор пластинок, пара немецких лыж, аккордеон с потемневшим золотым вензелем.

В комнате, служившей спальней, красовалось пианино. Отменное, марки «Циммерман», такому место в Доме культуры или в музыкальном училище. Довольно пыльное, то есть тут никому не нужно: у самого хозяина пальцы как сосиски, он вряд ли играет. Может, прислуга?

Полозов вышел в коридор. Там вмешивалась в разговоры оперативников Галина Остаповна, которая втолковывала про трату собственных денег, а потом вообще заявила, ткнув пальцем в книжный шкаф:

– А чего ж не пропало, пусто же.

Хозяин открыл было рот, но тут же захлопнул его.

– Где пусто? – заботливо спросил Полозов.

Но уже слепому было видно, о чем речь. В задней стенке книжного шкафа зиял темный прямоугольный провал. Ранее его закрывала фальш-стенка из тонкой фанеры, которая стояла теперь на соседней полке между книгами. Сам тайник небольшой: неглубокая полость между фальшивой панелью и настоящей задней стенкой шкафа. Внутри, само собой, пусто.

– Ваш? – спросил капитан, отмечая, что ничего не сломано, не разбито.

– Нет! – свирепо отрезал Глебов. – От старых жильцов осталось, как и книги.

– И что там было?

– Я не знаю, – снисходительно заявил хозяин.

– Так-таки ничего не пропало?

– Ни-че-го. Ну, деньги пропали.

– Тайник точно не вы устроили?

– Нет, шкаф остался от прежних хозяев.

– Но вы о нем знали?

– Естественно.

– Сколько денег там было?

Видя, что гражданин Глебов собирается продолжать ловчить, Полозов напомнил:

– Гражданин Глебов, сокрытие – это преступление.

– Я ничего не скрываю! – возмущенно выкрикнул тот.

– Ну как же не скрываете? То не знаете, то все-таки знаете, то не пропало ничего, то ничего не пропало, кроме денег.

В разговор вмешался еще один гражданин в штатском, тоже, как и хозяин, пухловатый, представительный, но крайне добродушного вида. Он не прибыл с группой, он вообще непонятно откуда появился и неясно как давно проник в квартиру:

– А мы с Леонидом Ильичом сейчас пройдем на кухню да все и выясним.

Полозов козырнул, а гражданин, предвосхищая вопросы неосведомленных, махнул удостоверением:

– Подполковник Богомаз, БХСС.

Глебов сразу как-то сник, а Богомаз, якобы рассеянно оглядевшись, мимоходом поинтересовался:

– Аж две комнаты у вас?

– Так точно, но они того... смежные. И вообще...

– Ну, для одного-то неплохо? – с деланой заботой уточнил Богомаз и повел хозяина на кухню.

Полозов же еще раз зашел в спальню. Во-первых, была одна мыслишка, во-вторых, признаться, очень ему это пианино понравилось. Дочка в музыкальную школу ходит, тяжело без инструмента. Вот кому он нужен, а кому не нужен – стоит инструмент и пылится.

Полозов позвал участкового:

– Сержант, тут недавно убирались?

Участковый сразу покаялся:

– Так точно, товарищ капитан.

– Почему допустили?

– Галина Остаповна... – сказал сержант, будто это все объясняло. – Не успел остановить, виноват.

– Потом, – махнул рукой Полозов и спросил: – Салфетка на крышке была?

– Виноват, – повторил участковый, – салфетка?

Тут снова толстый Богомаз появился и объяснил:

– Салфетки такие, их обычно кладут на пианино от пыли.

– Никак нет, не было салфетки, товарищ подполковник.

– А пыль была?

– Так точно.

– И кто стер?

– Домработница.

– Это зря, – заметил подполковник, рассматривая полку, – ну да неважно. Галина Остаповна пыль не стерла, а просто впопыхах смахнула, так что все равно видно, что рядом с запыленной папкой нот до недавнего времени что-то стояло. Вот, отпечатавшийся прямоугольник.

– Чем-то могу помочь? – В комнату снова вошел Глебов, но теперь он был в совершенно другом настроении и куда более вежливый.

– Еще как можете. Что у вас тут стояло? – спросил Богомаз.

– Да безделушка одна, – ответил хозяин, – типа слоника.

– Слоник?

– Нет. Что-то вроде балерины, только в маске, и вся в заплатках.

– Скоморошка какая-то, – вмешалась в разговор Галина Остаповна. – В беретке. Срам, все наружу!

– Откуда у вас эта фигурка, не припомните? – обратился подполковник к хозяину.

– Нет. Может, кто-то подарил, или в скупке... нет, сейчас не вспомню.

– Вы пока вспоминайте, – добродушно произнес Богомаз, – все равно придется.

Он влез во внутренний карман пиджака, достал несколько фото, держа их изображением к себе, как карты, выбрал одно и показал Глебову:

– Она?

– Да...

– Ну вот, начало положено, – удовлетворенно кивнул Богомаз.

Глава 3

На лестничной площадке и устроили летучку.

– Что, Макарыч, тот же вариант? – уточнил Богомаз.

– Он, Григорий Саныч, – подтвердил Полозов. – Чисто, без следов взлома, знали, где и что, хапнули только деньги и куклу чертову.

Богомаз чуть запнулся и переспросил:

– Что?!

– Ну, эту, белопузую.

– Хорошо сказал, – хмыкнул подполковник. – Ладно. Расспросил этих двоих? Кто в доме бывал, кто интересовался...

– Как всегда: все гости – приличные люди, чтобы подозревать, – нужны основания, – усмехнулся Полозов.

– Ну-ну. Но квартиру-то он недавно получил?

– Судя по всему, да.

– Разберемся. Дверь оставляли без присмотра?

– Стояли насмерть: нет, и все. Так я Галю в сторону отвел, она и призналась: был грех, вчера выносила ведро, а дверь не заперла.

– Не понял, тут что, мусоропровода нет? – удивился Богомаз.

– Есть, просто она пока не привыкла.

– Ага. И что, сопляки показывались?

– Дом недавно заселен, не всех пока в лицо знают. Дворник показал, что сегодня заходил во двор какой-то пацан, был спокоен, не озирался, даже прикуривал. Куда делся – не знает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.